

Долгосрочное банковское кредитование: какие банки им занимаются и почему?*

А.В. ВЕРНИКОВ, доктор экономических наук, Институт экономики РАН.
E-mail: verand77777@gmail.com

М.Е. МАМОНОВ, кандидат экономических наук, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: mmamonov@forecast.ru

Изучаются факторы, способные повысить склонность российских банков предоставлять долгосрочные кредиты реальному сектору экономики. Эмпирические результаты подтверждают «парадигму развития» в отношении ведущих госбанков: их склонность выдавать долгосрочные кредиты оказалась наибольшей – даже после учета различий между ними и частными банками по таким показателям, как стоимость фондирования, рыночная власть на рынке кредитов. На повышение удельного веса долгосрочных кредитов в активах банков повлияло бы снижение средней стоимости привлекаемых банками ресурсов и диверсификация их источников, равно как и увеличение среднего размера банка, достаточности его капитала, снижение рискованности текущей кредитной политики.

Ключевые слова: Россия, банковское кредитование, государственные банки, финансирование реального сектора

Основным внешним источником финансирования для российских предприятий остаются банки, отсюда повышенное внимание к динамике банковского кредитования. В контексте задач по реиндустриализации страны и возобновлению роста на здоровой основе наиболее актуальны вопросы кредитования инвестиционной деятельности, а не просто любая кредитная активность банков на любые цели и любым заёмщикам. Этому аспекту анализа посвящено на удивление мало исследовательских работ, в отличие от исследований, посвящённых самим банкам, их эффективности, устойчивости, конкуренции и т. д. В данной статье попытаемся восполнить этот пробел, обсуждая некоторые факторы, объясняющие динамику долгосрочного банковского

---

* В статье использованы результаты проекта «Комплексный анализ и прогнозирование развития российской экономики на этапе перехода от экономического кризиса к посткризисному росту. Стратегический анализ проблем долгосрочного развития российской экономики, её важнейших отраслей и секторов» (ТЗ-17), выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

кредитования. Разделить поток кредитных ресурсов по типу заёмщика и направлению использования кредита весьма непросто, если вообще возможно, поэтому приходится делать допущения, одним из которых стало использование данных о долгосрочном (свыше трех лет) кредитовании юридических лиц в нефинансовых отраслях экономики в качестве прокси для кредитования инвестиционной деятельности, в отличие от краткосрочного кредитования на цели потребления, пополнения оборотных средств, торгово-посреднической и спекулятивной деятельности.

Многие полагают, что государственные банки, выполняя решения правительства и обеспечивая интересы общества в целом, «по определению» должны заниматься кредитованием российской промышленности. Так ли это? В 2011 г. Л. Черных и А. Феодосию предъявили эмпирическое свидетельство того, что в России способность банка выдавать долгосрочные ссуды зависит не от формы собственности, а от других параметров [1]. Этот результат удивил нас, мотивировав к проведению дополнительной эмпирической проверки на более свежих и уточнённых данных. Нашей целью было выявление факторов, при прочих равных условиях повышающих склонность банка заниматься долгосрочным кредитованием, при особом внимании к форме собственности.

Вопросы долгосрочного банковского кредитования в научной литературе

Взаимосвязи между финансовым развитием и банковской деятельностью, с одной стороны, и экономическим ростом, с другой, посвящено множество научных публикаций. Ещё в 1993 г. Р. Кинг и Р. Левин написали в своей популярной статье, что мнение Йозефа Шумпетера о благотворном влиянии финансового развития на экономический рост подтверждается данными по 80 странам мира за 1960–1989 гг. [2]. Подавляющее большинство авторов подвергают статистическому и эконометрическому анализу с применением моделирования показатели общей кредитной активности банков или даже общей величины их активов без разделения по формам, типам, срокам и направлениям кредитования. Однако в столь агрегированном виде динамика этих показателей не позволяет понять, на какие макроэкономические процессы повлияли данные кредиты и в какой мере. Более того, недавние

эмпирические исследования могут показывать и отрицательную взаимосвязь между этими параметрами, и мейнстримная теория не в состоянии предложить этому правдоподобного объяснения.

Оказывается, не все банковские кредиты одинаковы. Й. Шумпетер различал «первичную волну» кредитов, поступающих нефинансовому сектору и участвующих в финансировании инноваций, т. е. «продуктивное» кредитование, и «вторичную волну», которая финансирует уже рост потребления, чрезмерное инвестирование и спекуляции. Кредитование потребления Шумпетер вообще исключил из своей теории кредита, положительно влияющего на развитие [3]. На это указал Д. Беземер в своей новаторской статье 2014 г. Интересно, что прирост соотношения кредитов и ВВП страны, на которое все обращают так много внимания, вызывается не столько «продуктивным» кредитованием, сколько «вторичной волной» кредитов. А поскольку прирост выданных кредитов усугубляет задолженность нефинансового сектора, то это может сказываться на экономическом развитии не положительно, а отрицательно. Беземер подробно разбирает действие этого механизма и говорит, что правильный диагноз можно поставить лишь с помощью классификации задолженности в зависимости от того, какой именно тип кредитов её породил, хотя на реальных данных провести такое разграничение сложно [4].

Поскольку предпосылкой роста является приток долгосрочного финансирования, специалисты Всемирного банка Дж. Каприо и А. Демиргуч-Кунт обнаружили хроническую нехватку такого финансирования в экономике развивающихся стран по сравнению со зрелыми рыночными. В тех случаях, когда государство субсидировало и непосредственно участвовало в предоставлении долгосрочных кредитов, эти кредиты не во всех случаях приводили к ускоренному росту промышленных компаний, а иногда даже замедляли его [5].

Какие же факторы влияют на долгосрочное кредитование? Обработав данные по 43 странам, Ю. Сиань и Ф. Страхан делают акцент на институциональных переменных, в первую очередь защиту прав кредитора как формы проявления защиты права собственности [6]. Им вторят К.-Х. Бай и В. Гоял, проанализировавшие опыт 48 стран мира: банки реагируют на слабую возможность добиться исполнения условий кредитного договора,

в том числе и сокращением срока кредитования. В то же время обратное утверждение не всегда верно: банки не обязательно ответят удлинением сроков кредита на улучшение защиты контрактов [7].

В первом десятилетии нового века ускоренный рост долгосрочного кредитования подпитывался как внутренней депозитной базой, так и внешними заимствованиями. В развивающихся странах значение этих факторов было выше, чем в развитых, причём свою роль здесь сыграли также торговая либерализация и изначальная глубина банковского сектора [8].

Как уже отмечалось, Л. Черных и А. Феодоссиу целенаправленно изучали факторы, влияющие на долгосрочное банковское кредитование в России, и обнаружили высокую вариацию доли долгосрочных коммерческих кредитов в активах среди вошедших в выборку банков. Способность заниматься долгосрочным кредитованием зависит от размера банка, достаточности его капитала и наличия «длинных» пассивов, при этом форма собственности не играет решающей роли [1].

Исследователи давно обратили внимание на то, что банки разной формы собственности (государственные, местные частные и иностранные) по-разному проявляют себя в качестве финансовых посредников и факторов экономического роста. В середине XX века господствовала парадигма развития, согласно которой государство становится владельцем банков для преодоления провалов рынка и продвижения интересов развития в условиях слабости частного капитала. Преимущественно таким образом и могут получить финансирование общественно полезные и жизнеспособные проекты, в которых почему-либо не заинтересован частный капитал.

В конце XX века происходит смена парадигмы: господствующей становится «политическая теория» госсобственности на банки, согласно которой государство владеет банками отнюдь не бескорыстно и не в интересах социально-экономического развития, а скорее для извлечения конкретными чиновниками и политиками преимуществ разного рода, в первую очередь политических. Не говоря уже об обычной коррупции: правительство может использовать госбанки для обеспечения своего переизбрания либо для предотвращения социально-политических конфликтов [9, 10].

В последние годы явный численный перевес был за сторонниками циничного взгляда на государственные банки и причины их распространения в развивающихся странах. Появилось множество работ, анализирующих отдельные процессы и факты, вписывающиеся в данную парадигму. Так, доказываемая взаимосвязь между кредитной политикой госбанков и политическим процессом в стране, прежде всего выборным циклом. Изучив опыт 43 развивающихся стран, С. Динч утверждает, что государственные банки занимаются кредитованием в предвыборный год активнее, чем частные, с тем чтобы повлиять на политические результаты выборов [11]. Д. Берковиц, М. Хукстра и К. Схурс показывают, как в 1990-е годы политические связи повлияли на становление банков в России, а обладающие такими связями банки продолжали финансирование неплатежеспособных «старых» предприятий в целях сохранения занятости вместо поддержки ростков «новой экономики» [12]. Работа Д. Карвалью по Бразилии в авторитетном *Journal of Finance* свидетельствует, что государство использовало госбанки для кредитования в тех регионах, где сконцентрирован поддерживающий государство электорат, особенно накануне выборов [13].

Подавляющее большинство современных авторов, печатающихся в западных журналах, видят в кредитовании через государственные банки лишь негатив, акцентируя внимание на неэффективности таких кредитов и их низком качестве, разного рода «искажениях» и отрицательных последствиях, якобы возникающих от целевого кредитования промышленных и инфраструктурных проектов. Градус критики, разумеется, повышается, когда речь идёт о России. Одним из редких исключений из этой закономерности является статья Н. Вантеевой и Ч. Хиксона, в которой промышленное восстановление в России в первом десятилетии XXI века связывается с огосударствлением банковского сектора [14]. Эта осознанная политика была направлена на создание механизма по перекачке природной ренты из энергетического сектора в инвестиционные фонды, а из них – в конкретные инвестиционные проекты в других отраслях. По мнению авторов, такая промышленная политика вполне согласуется с теорией догоняющего развития А. Гершенкрона. Разумеется, эта точка зрения не стала на Западе мейнстримом,

а статья была напечатана в журнале, входящем лишь во второй квартиль по экономическим наукам.

Вместе с тем эмпирика продолжает поставлять новые свидетельства, подтачивающие безусловно негативный взгляд на государственный банкинг. На примере развивающихся стран учёные доказали контрциклический эффект кредитов, выдаваемых банками с государственным участием в период экономического спада и низкой ликвидности денежного рынка, как было в 2008–2009 гг. [15, 16]. Этот же эффект обнаружен и в России и описан в статье З. Фунгачовой, Р. Херрала и Л. Вейла [17]. Признавая стабилизирующее воздействие государственных банков на местный финансовый рынок во время кризиса, западные авторы не могут обойтись без ритуального предостережения о низком качестве государственных кредитов и о структурных искажениях, сопутствующих государственному кредитованию, хотя убедительного доказательства этих явлений обычно не приводят.

Состояние долгосрочного банковского кредитования в России

Хотя в России банки были и остаются преобладающим типом финансового посредника, нефинансовые отрасли экономики не могут в полной мере рассчитывать на поддержку кредитными ресурсами с их стороны. В 1990-е годы расцвет называющих себя банками частных финансовых учреждений парадоксальным образом совпал с неуклонным падением доли кредитов в структуре активов этих учреждений. К моменту разрушительного кризиса 1998 г. на кредиты приходилось лишь 28,5% активов (рис.1), то есть даже меньше, чем на ценные бумаги – 32,1% (данные Банка России).

Ещё одна интересная закономерность заключается в том, что падение интереса к кредитам было синхронизировано с уходом государства из банковской деятельности, а конкретно – с уничтожением системы «спецбанков» и присвоением их имущества инсайдерами (этот процесс К. Схурс назвал «спонтанной приватизацией» [18]). Тренд изменил направление в 1999 г.: по мере возвращения государства в качестве собственника банков и ускоренного роста банков с госучастием стала, наконец, возрастать и доля кредитов в совокупных активах банковской системы. Всё это время сокращалось и количество действующих в стране

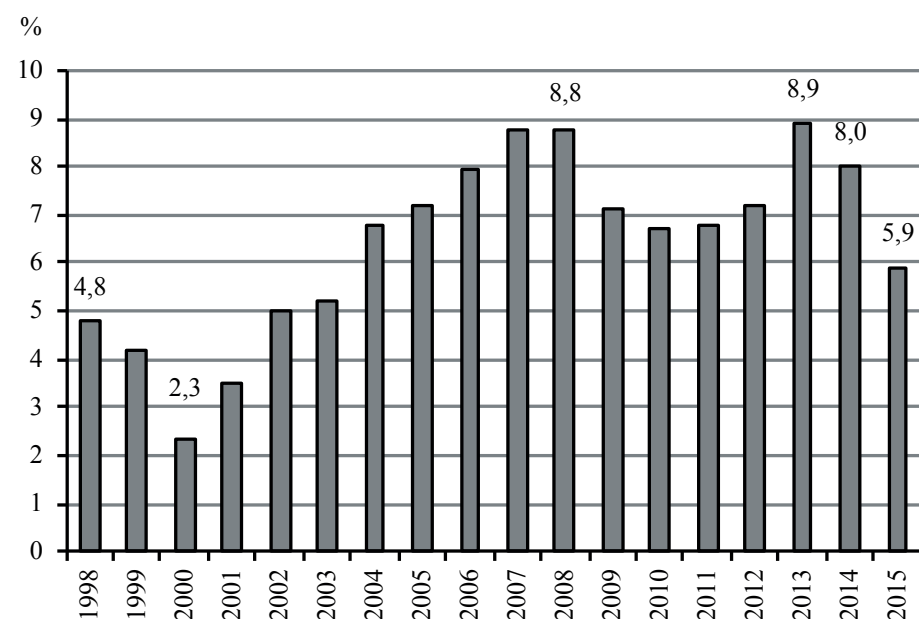
банков. Государственные банки, похоже, были больше частных финансовых учреждений склонны заниматься своим прямым делом, то есть кредитовать экономику, а не только валютными и фондовыми спекуляциями и финансированием девелоперских проектов. Впрочем, после 2012 г. линии тренда опять расходятся: прямое госучастие продолжает нарастать, а доля кредитов в активах стагнирует и даже уменьшается.

Источник: данные Банка России (www.cbr.ru); расчёты авторов.

Рис. 1. Доля кредитов в активах российских банков в 1994–2015 гг. (на конец года), %

Банковские кредиты являются основным внешним источником финансирования инвестиционной деятельности, однако их значение не следует преувеличивать: по данным Росстата, удельный вес кредитов российских банков в структуре инвестиций нефинансовых предприятий в основной капитал ни разу не превысил 9%; ещё несколько процентных пунктов в удачные годы могли добавлять кредиты иностранных банков. В 2015 г. значение данного показателя упало до 5,9% (рис. 2). Основной объём инвестиций в России по-прежнему финансируется за счет собственных ресурсов предприятий. В этом нет ничего страшного, и именно так обстоит дело в большинстве стран, в том числе и в Китае. Вместе с тем у российских предприятий нет альтернативных источников ресурсов в виде фондового рынка, а приток внешних финансовых ресурсов резко упал в последние годы.

Источник: Росстат.

Рис. 2. Удельный вес кредитов, полученных нефинансовыми предприятиями от российских банков в 1998–2015 гг., в структуре инвестиций в основной капитал, %

Мы построили свою базу данных, характеризующих долгосрочное кредитование, с начала 2005 г. до конца 2013 г. (36 кварталов). Девятилетний период наблюдений охватывает разные фазы экономического цикла, включая острый финансовый кризис. Мы выделяем три различных подпериода: до кризиса (вплоть до III кв. 2008 г.), во время кризиса (с III кв. 2008 г. по IV кв. 2009 г.) и после кризиса (с I кв. 2010 г. по IV кв. 2013 г.). Это позволит проконтролировать кризисные эффекты и выявить структурные сдвиги, которые могли произойти в это время.

Мы разделили все российские банки на четыре группы: ведущие госбанки (Сбербанк, ВТБ и Россельхозбанк) (далее – ГОС-1); прочие банки, контролируемые прямо или косвенно государственным капиталом (ГОС-2); частные (ЧАСТ); иностранные дочерние банки (ИНО)². Собрав раскрываемую через сайт Банка России информацию о структуре и динамике активов, мы построили панельную базу данных. В неё вошло от 650 до 997 банков

² Критерии отнесения банка к той или иной группе подробно описаны в предыдущих работах одного из авторов [19; 20].

(в зависимости от квартала; число наблюдений – от 20 тыс. до 29 тыс.).

Уже предварительные вычисления показали, что, как мы и предполагали, средняя доля корпоративных кредитов (выданных юридическим лицам) на срок свыше трех лет в структуре активов оказалась самой высокой у крупных госбанков – 19% до кризиса и 22% – после него (табл. 1).

Таблица 1. Доля корпоративных кредитов сроком свыше трех лет в активах банков (%) и число банков в среднем за период до и после кризиса 2008–2009 гг.

Группа	До (2005–2008)		Во время (2008–2009)		После (2010–2013)	
	% долгосрочных кредитов	число банков	% долгосрочных кредитов	число банков	% долгосрочных кредитов	число банков
ГОС-1	18,9	3	21,5	3	21,9	3
ГОС-2	4,9	26	4,8	46	7,3	48
ИНО	8,3	29	8,8	39	9,1	43
ЧАСТ	3,4	576	4,1	644	4,4	750

Источник табл. 1–2: рассчитано авторами по данным банковской статистики.

Несколько неожиданным стало то, что у всех групп российских банков этот показатель не только не снизился после начала кризиса в 2008 г., а даже несколько вырос. Мы затрудняемся однозначно интерпретировать подобную нечувствительность инвестиционных кредитов к фазе экономического кризиса. С одной стороны, экономике нужны долгосрочные кредитные ресурсы для решения задач реиндустриализации и выхода из кризиса, и в этом плане всё логично. Обнаруженная нами динамика несколько корректирует уже получивший признание тезис о том, что в кризис поддержку кредитного рынка проводят только государственные банки по заданию властей, а после кризиса этот эффект нивелируется [15, 17]. С другой стороны, вывод банками краткосрочных кредитных ресурсов из попавшего в кризис реального сектора и реструктуризация неработающих кредитов привели к относительному росту «застрявших» долгосрочных кредитов, создав статистическую иллюзию роста данного вида кредитования. Поэтому радоваться росту этого показателя пока рано.

Если перейти от анализа средних показателей по группам на микроуровень, то предстаёт довольно пёстрая картина:

вариация внутри каждой из групп оказывается намного выше, чем между самими этими группами (табл. 2).

Таблица 2. Доля корпоративных кредитов сроком свыше трех лет в активах банков, наблюдения в формате «банк-квартал», I кв. 2005 г. – IV кв. 2013 г.

Группа	Среднее	Станд. отклон.	Число набл.	Процентиль распределения						
				0	10	25	50	75	90	100
ГОС-1	17,8	7,1	119	0,0	7,8	12,0	19,5	23,8	25,7	28,2
ГОС-2	5,7	6,7	1092	0,0	0,4	1,4	3,7	7,6	13,6	73,5
ИНО	8,7	9,0	1087	0,0	0,8	2,4	6,0	12,0	19,7	58,6
ЧАСТ	4,3	5,6	18883	0,0	0,2	0,8	2,4	5,9	10,5	97,5

Удельный вес кредитов в активах российских банков сильно варьирует. В стране до сих пор есть банки, у которых эта доля не достигает и половины. Кто и с какой целью создавал эти учреждения и зачем им банковская лицензия – это отдельная группа вопросов. Но в целях данной статьи мы нейтрализуем эффект этого фактора с помощью анализа доли долгосрочных ссуд в кредитном портфеле, а не только в активах. В лидерах снова (предсказуемо) оказываются крупные госбанки, а самый низкий показатель – у частных банков (рис. 3). И опять-таки мы видим рост интересующего нас показателя в самый разгар кризиса у всех групп банков.

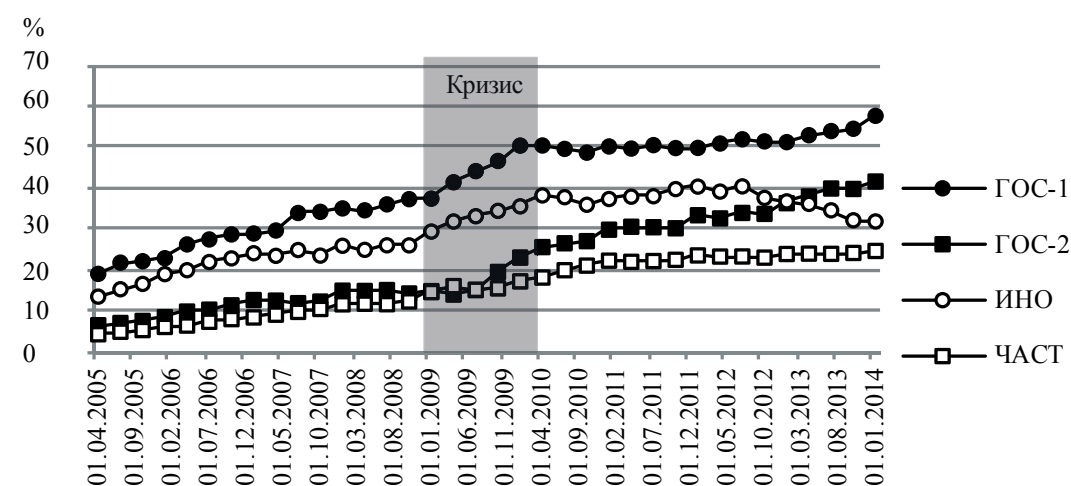

Рис. 3. Доля долгосрочных (свыше трех лет) ссуд в структуре кредитного портфеля юридических лиц в 2005–2014 гг., %

Наконец, интересно выяснить, какой вклад вносит каждый из типов банков в дело долгосрочного кредитования нефинансового сектора российской экономики. Здесь лидерство крупных банков было подавляющим на протяжении всего периода наблюдений: на них приходится от 60 до 70% объема кредитов данного типа (рис. 4).

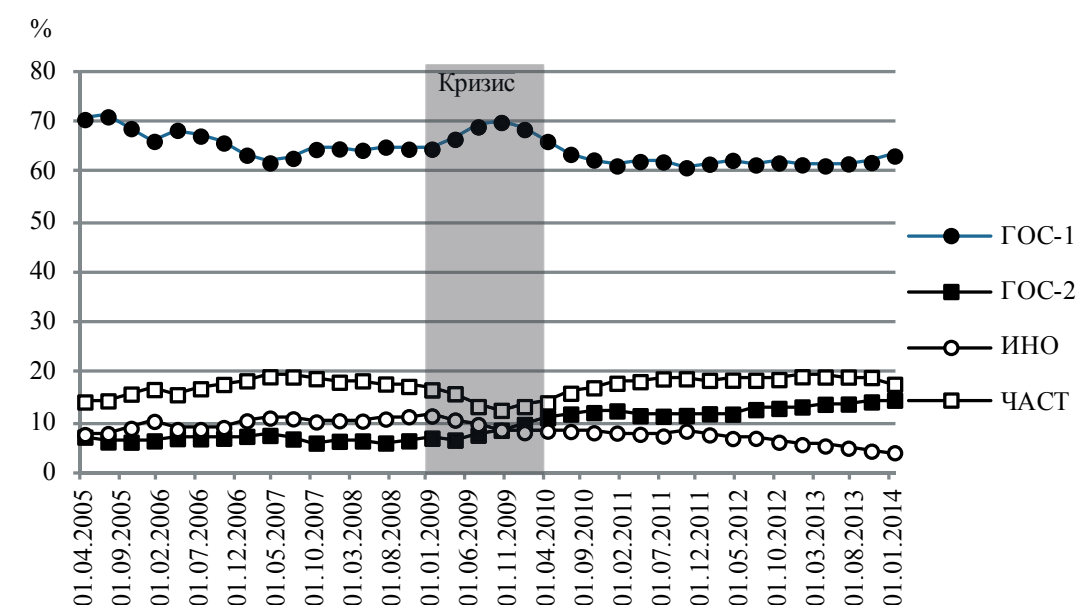

Рис. 4. Вклад разных групп банков в долгосрочное кредитование нефинансового сектора экономики в 2005–2014 гг., %

Анализируя содержательные причины пробуксовки кредитного процесса, автор статьи в журнале «Эксперт» [21] пишет об ограничениях с обеих сторон – и банков, и заёмщиков. Банки действительно не могут и не желают рисковать в условиях низкой конъюнктуры. В 2015 г. многие банки пересмотрели свои требования к инвестиционным кредитам, сделав их жёстче и избирательнее, сократив нормативные сроки инвестиционного финансирования и изменив свои отраслевые предпочтения. Но и инвестиционная активность в большинстве секторов российской экономики заметно снизилась, так что спрос на инвестиционные проекты невелик. То есть дело здесь не только в высокой процентной ставке и невыгодных условиях кредитования, как принято считать. Впрочем, причинно-следственная связь между спадом кредитования и промышленным спадом не совсем проста и очевидна.

Факторы, влияющие на склонность банка заниматься долгосрочным кредитованием

Как уже отмечалось, в качестве показателя, характеризующего инвестиционное кредитование со стороны российских банков, были взяты корпоративные кредиты, предоставляемые на срок свыше трех лет, на том предположении, что этот вид кредитов в большей степени, чем все остальные, коррелирован с инвестиционной деятельностью. Вряд ли для кредитования инвестиционных нужд российских компаний (инвестиции в основной капитал) или проектного финансирования используются краткосрочные банковские кредиты.

Для регрессионного анализа факторов, влияющих на склонность банка предоставлять долгосрочные кредиты, построим эконометрическую модель следующего вида:

$$\left(\frac{LNS\ 3Y}{TA}\right)_{it} = \alpha_i + \beta_1 \cdot State_1 + \beta_2 \cdot State_2 + \beta_3 \cdot Foreign + \sum_{j=1}^J \gamma_j \cdot BSF_{j, it} + \sum_{m=1}^M \xi_m \cdot QUAR_{m, t} + \varepsilon_{it},$$

где $LNS\ 3Y / TA$ – доля корпоративных кредитов на срок более трех лет в активах банка i ; $State_1$, $State_2$ и $Foreign$ – дамми-переменные, обозначающие тип собственности (ведущие госбанки; прочие госбанки и дочерние иностранные банки, соответственно; частные банки являются референтной группой); BSF – контрольные переменные микроуровня (bank-specific controls), а именно: индекс Лернера на рынке корпоративного кредитования; соотношение между резервами и активами банка; размер банка (величина его активов); доля срочных вкладов в структуре источников фондирования; доля просроченных ссуд (как прокси качества кредитного портфеля); $QUAR$ – дамми-переменные для каждого из кварталов в период наблюдений с I квартала 2005 г. по IV квартал 2013 г.

В своём регрессионном анализе мы используем двухшаговый обобщённый метод моментов (2-Step GMM estimator), позволяющий получить оценки коэффициентов, устойчивые к проблеме автокорреляции и гетероскедастичности любой формы. В качестве инструментов были использованы только первые лаги всех контрольных переменных микроуровня (точная идентификация

эндогенных переменных инструментальными). Описательные статистики переменных приведены в таблице 3.

Таблица 3. Описательные статистики переменных микроуровня

Переменная	Среднее	Станд. откл.	Мин	Макс	Число набл.	Число банков
Доля корпоративных кредитов на срок более трех лет в активах	4,8	6,1	0,0	97,5	20784	963
Доля абсолютно ликвидных активов в активах	17,1	16,7	0,0	99,9	34861	1237
Индекс Лернера рыночной власти на рынке кредитов	60,6	42,8	-199,8	99,8	11180	627
Доля депозитов в привлеченных средствах	79,3	22,4	0,0	140,1	33793	1188
Масштаб банка (доля в активах банковской системы), лог.	-4,7	1,9	-12,3	3,5	34862	1237
Отношение капитала к активам	21,5	16,3	-29,0	100,0	34862	1237
Эффективная процентная ставка по депозитам (год.)	8,4	6,9	0,0	565,1	27229	1096
Доля просроченных кредитов в кредитах	3,7	5,9	0,0	99,4	25575	1020

Мы предполагали, что долгосрочное корпоративное кредитование положительно коррелирует с такими показателями банка, как его рыночная сила, размер, достаточность капитала и разнообразие источников фондирования. Отрицательной корреляции мы ожидали от таких параметров, как стоимость фондирования и рискованность кредитной политики. Долгосрочные ссуды несут в себе немалые риски для кредитующего банка, поэтому мы предполагали, что банк будет готов принять их на себя, только если текущие кредитные риски находятся под контролем.

Основной вывод по результатам расчетов состоит в том, что даже с учетом всех описанных различий между госбанками, частными банками-резидентами и нерезидентами госбанки из числа «национальных чемпионов» (дамми ГОС-1) имели существенно более высокую долю долгосрочных кредитов в своих активах – на 9 п. п. больше, чем у частных. Эта группа банков сохраняет за собой первую позицию в рэнкинге банков по критерию их вовлеченности в долгосрочное кредитование (см. описательные статистики в таблице 1). Вторую позицию удерживают банки-нерезиденты. У них доля долгосрочного кредитования в активах почти на 2 п. п. больше, чем у частных, но на 7 п. п. меньше, чем у лидеров – «национальных чемпионов». Соответственно, третью

позицию занимают прочие госбанки – у них доля долгосрочных кредитов в активах была в рассматриваемый период на 0,5 п. п. больше, чем у частных банков.

Дополнительные выводы по результатам моделирования можно резюмировать следующим образом. В рассматриваемый нами период на долгосрочное банковское кредитование положительно повлияли низкая стоимость привлечённых ресурсов, большой размер банка и его рыночная сила, высокая достаточность капитала, консервативная кредитная политика и диверсификация источников фондирования. Таким образом, наши гипотезы и предположения подтвердились (регрессионные результаты не приводятся и доступны по запросу читателей).

Мы проверили устойчивость эмпирических результатов различными способами: заменой зависимой переменной – доли долгосрочных кредитов в кредитном портфеле, а не в активах банка; добавлением контрольных переменных микроуровня – возраста банка, валютной структуры кредитов, подверженности набегам вкладчиков (через соотношение резервных активов и срочных вкладов физических лиц). Кроме того, мы вводили попарные произведения размера банка на качество кредитов, подверженность набегам вкладчиков, возраст банка и долю частных вкладов в структуре привлечённых средств. Это делалось для того, чтобы уловить гетерогенность банков в плане взаимосвязи между переменными микроуровня и показателями долгосрочного кредитования. Во всех случаях основные результаты остались неизменными, что говорит об их устойчивости к выбору метода вычислений.

Таким образом, при прочих равных условиях ведущие государственные банки выдавали в 2005–2013 гг. больше долгосрочных ссуд, чем все остальные. Наш результат можно считать эмпирическим подтверждением «парадигмы развития» в отношении ведущих госбанков и существования «помогающей руки» государства, а не только «руки загибающей», о которой в последние годы всё чаще пишут западные экономисты. Эта кредитная политика, независимо от всех привходящих обстоятельств, была более шумпетерианской по своей направленности, чем деятельность других кредитных учреждений. Любые непродуманные действия правительства по «приватизации» своих крупнейших банков, какими бы благими намерениями они ни прикрывались,

рискует подорвать приток долгосрочных ресурсов промышленным компаниям и нарушить инвестиционный процесс.

В то же время прочие банки с государственным участием, особенно те, в капитале которых государство участвует косвенно, не проявили особого рвения в деле долгосрочного кредитования и мало чем отличались от частных банков. Это позволяет ставить вопрос о целесообразности укрупнения таких учреждений, присоединения их к опорным государственным банкам или даже о выходе государства из их капитала с выводом государственных по своему происхождению ресурсов.

Развитию долгосрочного банковского кредитования способствовали бы, разумеется, снижение средней стоимости привлекаемых банками ресурсов и диверсификация их источников. Это может потребовать пересмотра параметров системы страхования частных банковских вкладов, которая сейчас скорее завышает стоимость привлечения, переводя конкуренцию между банками исключительно в ценовую область. Не лишним было бы изменение некоторых характеристик на стороне самих банков – размера, достаточности капитала и рискованности кредитной политики. Что касается рыночной силы, то действие этого фактора требует дальнейшего изучения, так как положительный эффект от роста рыночной власти может оказаться нелинейным, и снижение интенсивности конкуренции способно снизить мотивацию банков идти навстречу пожеланиям заёмщиков относительно сроков и стоимости кредитов.

Литература

1. Chernykh L., Theodossiou A. Determinants of bank long-term lending behavior: Evidence from Russia // *Multinational Finance Journal*. – 2011. – Vol. 15. – № 3/4. – P. 193–216.
2. King R., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right // *Quarterly Journal of Economics*. – Vol. 108. – № 3. – P. 717–737.
3. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.
4. Bezemer D. Schumpeter might be right again: the functional differentiation of credit // *Journal of Evolutionary Economics*. – 2014. – Vol. 24. – № 5. – P. 935–950.
5. Caprio G., Demirgüç-Kunt A. The role of long-term finance: Theory and evidence // *World Bank Research Observer*. – 1998. – Vol. 13. – № 2. – P. 171–189.

6. *Qian Y., Strahan P.* How laws and institutions shape financial contracts: The case of bank loans // *Journal of Finance*. – 2007. – Vol. 62. – № 6. – P. 2803–2834.
7. *Bae K.-H., Goyal V.* Creditor rights, enforcement, and bank loans // *Journal of Finance*. – 2009. – Vol. 64 (2). – P. 823–860.
8. *Park H., Ruiz C., Tressel T.* Determinants of long-term versus short-term bank credit in EU countries. – Policy Research Working Paper WPS7436. World Bank, 2015.
9. *La Porta R., López-de-Silanes F., Shleifer A.* Government ownership of banks // *Journal of Finance*. – 2002. – Vol. 57. – № 1. – P. 265–301.
10. *Sapienza P.* The effects of government ownership on bank lending // *Journal of Financial Economics*. – 2004. – Vol. 72. – P. 357–384.
11. *Dinç S.* Politicians and banks: Political influences on government-owned banks in emerging countries // *Journal of Financial Economics*. – 2005. – Vol. 77. – P. 453–479.
12. *Berkowitz D., Hoekstra M., Schoors K.* Bank privatization, finance, and growth // *Journal of Development Economics*. – 2014. – Vol. 110. – P. 93–106.
13. *Carvalho D.* The real effects of government-owned banks: Evidence from an emerging market // *Journal of Finance*. – 2014. – Vol. 69. – № 2. – P. 577–609.
14. *Vanteeva N., Hickson C.* Gerschenkron revisited: The new corporate Russia // *Journal of Economic Issues*. – 2015. – Vol. 49. – № 4. – P. 978–1007.
15. *Bertay A. C., Demirgüç-Kunt A., Huizinga H.* Bank ownership and credit over the business cycle: Is lending by state banks less procyclical? // *Journal of Banking and Finance* / – 2015. – Vol. 50. – P. 326–339.
16. *Coleman N., Feler L.* Bank ownership, lending, and local economic performance during the 2008–2009 financial crisis // *Journal of Monetary Economics*. – 2015. – Vol. 71. – № 4. – P. 50–66.
17. *Fungáčová Z., Herrala R., Weill L.* Bank ownership and credit supply during the financial crisis // *Emerging Markets Review*. – 2013. – Vol. 15. – P. 136–147.
18. *Schoors K.* The fate of Russia's former state banks: Chronicle of a restructuring postponed and a crisis foretold // *Europe-Asia Studies*. – 2003. – Vol. 55. – № 1. – P. 75–100.
19. *Верников А. В.* Доля государственного участия в банковской системе России // *Деньги и кредит*. – 2009. – № 11. – С. 4–14.
20. *Vernikov A.* A guide to Russian bank data: Breaking down the sample of banks // SSRN Working Paper Series. № 2600738. URL: <http://ssrn.com/abstract=2600738>
21. *Яковенко Д.* Держите свои кредиты при себе // *Эксперт*. – 2016. – № 15 (983). – С.16–19.